

гражданам право выступать с критикой, но только критика эта должна быть конструктивной.

Наиболее отрадным событием конференции в Чатокуа была встреча с мужественной и в то же время исключительно мягкой женщиной — ведущим советским социологом, теоретиком перестройки Татьяной Заславской. Ее откровенный и трезвый подход к внутривнутриполитическим и экономическим проблемам СССР — лучшее доказательство, что среди близких к горбачевскому руководству людей есть серьезно заинтересованные в существенных и далеко идущих реформах. Но если не считать Заславской, в Чатокуа было мало подтверждений нового мышления. Хотя советские гости признавали необходимость критической оценки прошлого, эти их заявления звучали не очень искренне.

Советская сторона не выполнила и своих обязательств широко осветить конференцию в Чатокуа в советской печати. Я внимательно следил за советской прессой, но нашел там лишь крохи, а напечатанные в „Правде”, в „Известиях” и „Новом времени” статьи были весьма тенденциозными. Правда, по советскому телевидению показали выступления директора института Кеннана Питера Реддавэя, который призывал говорить на конференции в Чатокуа о тех факторах, которые разъединяют СССР и США, а не заниматься „сентиментальными излияниями”. Однако сессии по вопросам юстиции и прав человека, в которых участвовал Реддавэй, не показывали по советскому телевидению и не освещали в советской печати, хотя советские представители в Чатокуа ежедневно заверяли участников конференции, что в Советский Союз через спутники связи постоянно передаются телевизионные сообщения о конференции и что она „широко” освещается в советской печати. Советская сторона не позаботилась о том, чтобы советское население узнало о полезных дискуссиях, происходивших в Чатокуа, чтобы советские граждане могли самостоятельно сделать выводы по тем проблемам, которые обсуждались на конференции, что свидетельствует об отличиях „гласности” для внутреннего потребления от „гласности” на экспорт.

Билл Брэдли

ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ И РАЗЪЕДИНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ В АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Выступая в Чатокуа, в этом уникальном американском городке, я хотел бы поделиться с членами советской делегации и со всеми присутствующими своими мыслями о том, какие отношения с Советским Союзом хотели бы иметь американцы и что в этом плане мне кажется возможным сделать.

Как и вы, я наблюдаю за тем, что происходит в СССР. Как и у вас, у меня возникает множество вопросов о будущем развитии американско-советских отношений. Они вызывают сомнения и озабоченность, но есть и надежда. Сегодня я буду говорить о своих надеждах.

Нынешняя встреча советских и американских граждан совпала, быть может, с моментом исторического перелома — она происходит в исторический момент, когда двери, оставшиеся в течение долгого времени закрытыми, могут отвориться и станут видимыми новые цели, новые маршруты прогресса и надежд для всего человечества. Еще Достоевский утверждал, что среди живых созданий лишь человек не имеет точной формулы поведения в определенных обстоятельствах. Поэтому только от нас зависит, сумеем ли мы войти в открывающуюся дверь или она захлопнется перед нами. Вовсе не наше высокомерие, а сама действительность подсказывает нам, что из всех сил, определяющих ход дальнейших событий, два народа будут играть важнейшую роль; кажется, исполняется пророчество Токвиля, что однажды волей провидения Америка и Россия разделят ответственность за судьбу значительной части мира.

В обеих странах есть люди, полагающие, что семена новой

„холодной войны” заложены в наших отношениях и что мир слишком мал для двух сверхдержав. Я отвергаю мысль, что нам предназначено оставаться вечными врагами. Мы можем создать иное будущее.

С того времени, как наши ученые разгадали ядерный реbus, советские и американские военные арсеналы грозовым облаком висят над будущим нашей планеты — и это создало насущную необходимость сохранения мира, единственный и категорический императив — ни при каких обстоятельствах мы не должны воевать друг с другом.

И все же это твердое и простое правило не может покрыть все проблемы. Избежать войны еще не значит укреплять мир. Борьба, напряженные отношения и конфликты между нашими странами продолжаются. Генеральный секретарь ЦК КПСС призывает не уклоняться от острых проблем. Так давайте откровенно рассмотрим, что нас объединяет и что разделяет — начнем этот процесс, как первый шаг на пути к прочному миру.

Общее свойство наших народов — любовь к своей земле. И для советских людей, и для американцев земля — источник нашего величия. Это чувство закалило наши народы; красота земли воспета в наших песнях; страдания, которые она причиняет, — источник нашей скорби.

Энергия первых американцев стимулировалась необъятностью территории, которая призывала к освоению новых рубежей. Они расширяли границы Америки, укрощали ее дикую природу и закладывали основы ее изобилия. Они считали землю источником силы и фундаментом своих духовных ценностей. Из их отношения к земле выросло чувство независимости в сочетании с уважением к жизни, свободе и стремлению к счастью. Эти неотделимые права остаются основой американского характера, определяют нашу приверженность демократии.

В отличие от сравнительно кратковременного американского опыта, история России уходит вглубь тысячелетий. Это история триумфов и трагедий, часто достигавших героических масштабов. Это история, развивавшаяся на необъятном фоне русской и советской территорий: величественных безмолвных просторов лесов и озер, бескрайних степей, стремительных потоков могучих рек, неподвижных песков пустынь, неосвоенных пространств сибирской тайги и тундры.

Наши народы постоянно стремились к трудным целям и выдерживали испытания, выдвигаемые перед нами землей. Мы верили в ее щедрость и слишком часто воспринимали ее способность к восстановлению как нечто само собой разумеющееся. Теперь, после Чернобыля и „Лав канала” мы убедились, что она может стать жертвой злоупотреблений, и поняли, что способность земли к возрождению может прийти конец.

Два года назад я видел глубочайшее в мире озеро — Сибирское озеро Байкал. Я приехал на байкальский берег в полдень после утомительного перелета из Москвы. Когда я подошел к Байкалу, озеро было скрыто густой мглой. Ничего не было видно. Мое разочарование было так же велико, как и туман. К вечеру следующего дня, после продолжительной беседы с писателем Валентином Распутиным, я вернулся на берег Байкала. Небо было чистым и ясным, перед нами простиралась вода озера — глубокие, неподвижные, чистые. В таинственной тишине природы мне слышалось дыхание времени. Я ощутил животворные силы, известные и американскому, и советскому народам, которые знают, что такое земля. Я никогда не забуду этого чувства.

Однако чувство земли — не единственное, что объединяет нас. Между нами существуют и культурные связи: поэзия и музыка, баскетбол и хоккей, но, прежде всего, любовь к литературе — от Антона Чехова до Сола Беллоу. В 1966 г., еще будучи студентом-путешественником, я ездил на машине из СССР в Венгрию и вспоминаю, как на границе был задержан на четыре часа, пока пограничник просматривал мою книжку — роман Стейнбека „Мыши и люди”.

Нас объединяет и наше историческое прошлое. Оба наши народа пережили нелегкий опыт революции и удовлетворение от строительства нового общества и, что редко встречается в отношениях между крупнейшими мировыми державами, мы никогда не были в состоянии войны друг с другом. Напротив, мы были союзниками в войне, которую выиграли, во многом благодаря борьбе советского народа с гитлеровскими оккупантами.

Наконец, нас объединяет стремление к свободе.

Больше, чем что бы то ни было, американцы ценят свободу. Мы вынесли войну, борясь за нашу свободу с колониальной

державой. Мы ценим не только свободу страны, но и свободу каждого человека в Америке. Как сказал Токвиль, „Дух религии и свободы находятся в Америке в полном согласии”. Нам чужда идея запрета какой бы то ни было религии. Для американцев свобода — основа человеческого существования, она не отдается и не продается ни за какую цену.

Более того, мы всегда верили, что личная свобода — это цель всего человечества. Мы заимствовали наши доктрины из Англии, Греции и древнего Израиля. Во время нашей революции нам помогали поляки, немцы и французы, а мы, в свою очередь, часто помогали другим народам обрести свободу.

Эти устремления не могут быть чужды народам Советского Союза. Сколько раз, преодолевая пределы человеческих возможностей, русские люди — крестьяне и поэты, казаки и члены партии — поднимались на защиту своего отечества от иностранных завоевателей! Вспомним Пугачева, который, возглавляя всего лишь 80 человек, вступил в схватку с крепостниками. Вспомним, Пестеля, который с несколькими сотнями солдат бросил вызов могуществу и жестокости царя. А разве в наши времена мы не имели блестящих примеров неутолимой жажды свободы, исходящих из самого сердца Советского Союза? Эти примеры подавали нам Ахматова и Пастернак, бесчисленное множество безмянанных храбрецов, которые, не страшась грозящих им ветров Колымы, распространяли запрещенные рукописи, презирая запреты цензора точно так же, как их предки обходили цензуру царя Николая Палкина.

И все-таки, несмотря на общность любви к земле, военное союзничество, культурную близость и общее нашим народам стремление к свободе — наши страны разъединяет огромная дистанция; наши общественные институты и нормы поведения глубоко различны.

Так, американцам совершенно непонятно, почему советские граждане лишены многих основных свобод. Мы не понимаем, почему Ростропович не мог дирижировать или играть на виолончели у себя на родине. Почему пианист Владимир Фельцман должен был эмигрировать, чтобы иметь возможность выступать с концертами? Почему Барышников счел необходимым для своего творческого роста покинуть свою страну? Почему

Василий Аксенов должен был заплатить изгнанием за возможность опубликовать свои романы? Мы рады, что эти талантливые люди сейчас у нас, но мы не можем понять, почему Советский Союз так неприветлив к этим художникам?

Америка, являющаяся, возможно, самым открытым в мире обществом не может также понять и ощущает как угрозу советское пристрастие к секретности. Американские лидеры вовсе не стремятся постоянно напоминать о грехах советского прошлого, но даже генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев сказал, что советские люди должны знать все и сознательно обо всем судить. Попросту говоря, Советский Союз должен реалистически оценить свое прошлое и извлечь из него урок. Если советское государство хочет, чтобы ему доверяли, оно прежде всего должно продемонстрировать признание права знать правду за гражданами СССР. Американцы сознают, что мы никогда не смогли бы справиться с расовой проблемой в США без твердого убеждения, что рабство было тягчайшим преступлением в нашей истории. Советские люди не обретут полной свободы до тех пор, пока, как сказал 20 лет назад Андрей Сахаров, общество не осмыслит критически свое историческое прошлое и не обретет понимание, как и почему могли быть допущены столь ужасные злоупотребления властью.

И, наконец, мы, американцы, крайне подозрительно относимся к стране, противящейся воссоединению семей, отказывающей своим гражданам в праве навещать живущих за границей близких. Это может показаться мелочью в сравнении с региональными конфликтами или проблемой ядерных вооружений. Но для многих американцев предоставление возможности советским гражданам воссоединиться с проживающими на Западе родственниками является основным условием включения СССР в международное сообщество государств.

Секретность, репрессивность и бесчувственность не способствуют укреплению взаимопонимания между Соединенными Штатами и советским Союзом.

Итак, каким образом мы сможем улучшить наши отношения с учетом всего того, что нас разъединяет?

Прежде всего, мы должны иметь ясное представление друг о друге. Отношение американцев к Советскому Союзу

варьирует от принятия желаемого за действительное до враждебного пессимизма. Некоторые считают, что напряженность в наших отношениях — результат лишь недопонимания по малосущественным вопросам, а некоторые уверены, что Советский Союз — наш заклятый враг и воплощение зла.

И те и другие карикатурные представления приводят к ошибочным выводам. Одни внушают нам ложное чувство безопасности, которое после событий, произошедших в Чехословакии или в Афганистане, переходит в гнев по поводу допущенного предательства. Другие не позволяют увидеть возникающие время от времени экстраординарные возможности удовлетворить взаимные претензии, ослабить напряженность и приблизиться к общим целям.

Непонимание Соединенных Штатов в СССР по меньшей мере так же велико и опасно. Советские руководители преуменьшают нашу озабоченность по поводу нарушений прав человека и индивидуальных свобод. Они считают, что наша внешняя политика формулируется в интересах алчных капиталистов; что наша политика в области обороны диктуется „военно-промышленным комплексом“. Они недооценивают степени свободы слова в демократическом обществе и абсолютно игнорируют чувство гордости, которое мы испытываем в связи с тем, что все более широкие слои американского общества принимают участие в политической жизни.

Эти представления нелепы и нереалистичны. Если советское руководство тешится подобными иллюзиями, то оно окажется незастрахованным от сюрпризов, разочарований, неверных расчетов и ошибочной политики.

Плодом такого рода наших представлений о СССР и советских представлений о нас становится страх. Страх, что другая сторона начнет войну, которая приведет к применению ядерного оружия. Этого никогда не случится, если разум возобладает, и добиться торжества разума — наша общая и самая главная задача.

Для более ясного представления друг о друге нам надо признаться в том, что ни одна сторона не столь нечестна и не столь наивна, как кажется другой. Каждый из нас может кое-чему научиться друг от друга, так же, как и исправить прошлые

ошибки. Однако улучшение взаимопонимания, признание различий и определение общих интересов не может произойти за один день. Конфликт произрастает из столкновения интересов. Для ослабления конфронтации и опасности войны требуется эти противоречивые интересы примирить. Мы должны следовать таким путем трезво и уверенно, шаг за шагом, обещая лишь то, что можем выполнить. Сейчас самое лучшее время для начала этого процесса.

До того, как Михаил Горбачев стал генеральным секретарем ЦК КПСС, лишь самые неисправимые оптимисты в Америке верили в возможность существенного улучшения американо-советских отношений. В то время мы видели страну, находящуюся под гнетом косной идеологии, утопающую в тяжелом экономическом застое и коррупции официальных лиц и в то же время наращивающую вооружения. Создавалось впечатление, что советским генералам выдали карт бланш для удовлетворения их амбиций за счет экономического будущего Советского Союза.

Но в 1985 г. повеяли ветры перемен. Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев призвал к „революционным изменениям“ и „исторической перестройке“ советской системы, к процессу, в котором многие советские участники нынешней конференции играют ведущую роль. В феврале Горбачев также сказал, что в настоящее время советская внешняя политика более чем когда бы то ни было определяется внутренней политикой СССР, заинтересованностью в преобразовании страны и в прочном мире.

Благодаря выступлениям и деятельности Горбачева американцы стали задаваться вопросом о верности своих прежних представлений об СССР. Не были ли они ошибочными? Быть может, перемены в СССР все-таки возможны? Реальны ли радикальные перемены там? Не следует ли нам пересмотреть нашу политику по отношению к СССР?

Мы знаем, что наше влияние на внутренние дела СССР ограничено. Но в то же время, мы все — граждане единого человеческого сообщества, и мы, американцы, убеждены, что прочный мир и расширение свободы сопутствуют друг другу. Поэтому я хотел бы откровенно, в духе, присутствующем в Чатокуа, поделиться с советскими делегатами нашими мыслями

и сомнениями по поводу того, что мы наблюдаем сейчас в Советском Союзе.

Во-первых, некоторые из предлагаемых Горбачевым реформ сулят создание общества с более эффективной экономикой, но они таят угрозу сложившемуся в СССР статус-кво и политическому истеблишменту. Американцы понимают, что советское руководство стоит перед стратегическим выбором: либо придерживаться прежнего курса, при котором военная мощь и внутренние репрессии являются основными рычагами власти, или, разрешив более открытые формы выражения мнений, добиваться расширения круга, обладающего мандатом на управление страной, и таким образом обеспечить развитие системы. Американцы сомневаются в существовании промежуточного пути.

Американцам интересно также знать, насколько ясно генеральный секретарь ЦК КПСС и его сторонники представляют себе трудности трансформации советского государства. Мы наблюдаем за тем, как далеко и как быстро они продвигаются по этому пути, и поддерживает ли их советский народ. Мы спрашиваем, намерены ли партия и государственная бюрократия, на которую часто жалуется генеральный секретарь Горбачев, разделить власть с советским народом?

Будут ли расширены права и увеличится ли роль профсоюзов к тому времени, когда в результате „перестройки“ возникнут серьезные трудности для тех, кто лишится работы? Смогут ли советские граждане сами выбирать, что им читать, смотреть, слушать, покупать и продавать?

Признает ли советское руководство различия в политике, культуре и религиозных верованиях? Перестанет ли быть возможность путешествовать привилегией лишь избранных? Станет ли советская история, включая сталинские чистки, голод на Украине и коллективизацию, предметом честного рассмотрения людей, стремящихся к установлению истины?

Сократятся ли военные расходы в стране и за рубежом? Включает ли призыв генерального секретаря к „демократизации“ большую автономию национальностям и национальным меньшинствам, десятилетиями находившимся под русским господством?

Позволит ли советское руководство народам Восточной

Европы самим сформировать их государственный строй и отношения с внешним миром?

Позволят ли советской молодежи заклеить войну в Афганистане с такой же силой, с какой молодые американцы отвергли войну во Вьетнаме?

Сбудется ли все, что я перечислил, или осуществится лишь небольшая часть этих ожиданий? Сколь глубокую вспашку советской истории намерен провести генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев?

Некоторые американцы считают, что в СССР истинные реформы невозможны, что они будут сведены на нет инерцией системы, выхолощены или отвергнуты противниками перемен. Существуют также опасения, что успех реформ будет способствовать превращению СССР в более сильного и опасного соперника, который предъявит Западу новые требования.

Реформатор, утверждал Макиавелли, приобретает врагов в лице всех, кому был выгоден прежний порядок вещей, и лишь вялых сторонников среди тех, кому может быть полезен новый порядок. И все же большинство американцев „болеет“ за реформаторов, и большинство американцев убеждено, что прочный мир требует большей открытости советского общества.

Теперь, когда долгие годы запертая дверь может приоткрыться, мы, американцы, должны быть достаточно гибкими для переосмысления, чтобы не упустить нынешнюю возможность установления прочного мира. Мы понимаем важность диалога и переговоров для предотвращения ядерной катастрофы, для избежания ужасов войны, для разрешения конфликтов, вызванных столкновением интересов. Если реформы в СССР будут продолжаться, я верю, что мы сможем сократить обычные вооруженные силы США и СССР в Центральной Европе, так же, как ядерные вооружения. Сейчас у нас больше возможностей создать иное будущее, потому что, как сказал Солженицын, „история — это мы“.

Встречи, подобные нынешней конференции в Чатокуа, объединяющие деятелей политики, религии и искусства, очень важны. Мы нуждаемся в голосах, способных выразить простые человеческие чувства таким образом, чтобы они стали понятны политическим деятелям. Мы нуждаемся в американо-советском

соревновании для сохранения человечества, а не для его уничтожения; в соревновании, которое поможет обеим странам справиться с их внутренними проблемами, а не угрожающем миру разрушением. Мы нуждаемся в пророках и мечтателях не меньше, чем в генералах и бюрократах. Нам нужно разработать, говоря словами Валентина Распутина, иной план, выполнение которого измеряется не тоннами и кубометрами, а душами.

ОТРЫВКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО Т. И. ЗАСЛАВСКОЙ ЖУРНАЛИСТАМ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ЧАТОКУА

О возможности деколлективизации

На протяжении всей моей жизни я очень много занималась колхозами, и в то время, когда я начинала с ними работать, это был 1950 год, колхозы, конечно, представляли собой достаточно жалкое зрелище, поскольку большая часть продуктов, создаваемых в них, изымалась через низкие цены. В общем, почти не платили за труд, люди жили за счет личных подсобных хозяйств и т.д. Но с тех пор прошло много времени, и, в частности, в конце 50-х — начале 60-х годов, в период Хрущева, когда много делалось для сельского хозяйства, после продажи МТС колхозам и пр., колхозы начали показывать свою очень большую силу и огромный потенциал, который они в себе несут. Мне представляется, что колхозная форма производства в случае, если колхозы не являются слишком крупными, а они, к сожалению, у нас являются слишком крупными, она, с одной стороны, таит в себе чрезвычайно большую возможность развития, и, с другой стороны, соответствует современному общественному сознанию в СССР. Дело в том, что 70 лет советской власти и уже почти 60 лет существования общественного сельского хозяйства привели к тому, что несколько поколений сменилось, и те люди, которые сегодня работают в колхозе или совхозе, не только никогда не были единоличниками, но уже их родители не были единоличниками — деды их вступали в колхозы. В этих условиях нет психологических предпосылок для роспуска колхозов... Допустим, мы распускаем колхозы и переходим на фермерский тип хозяйства. Нет ни психологических, ни социальных